

«Нормативно-правовая база не соответствует современным форматам электронного обучения» (Интервью с Ю.Б. Рубиным)

В конце сентября в Москве пройдет традиционная Международная конференция «MOSCOW Education Online», посвященная вопросам обучения с применением технологий e-Learning. Эта конференция, являющаяся российским аналогом крупнейшей в мире Берлинской конференции «ONLINE EDUCA», за три последних года безусловно стала знаковым событием в жизни образовательного сообщества России, привлекая пристальное внимание ведущих экспертов и специалистов в области электронного и дистанционного обучения.

Участие в конференции представителей российского рынка образовательных услуг, в первую очередь – вузов, очень важно, т.к. позволяет ликвидировать определенное отставание, которое в последние годы наблюдается в сфере электронного обучения. Международная конференция «MOSCOW Education Online» дает уникальную возможность многим руководителям и преподавателям отечественных вузов познакомиться с мировыми тенденциями развития e-Learning, изучить передовой опыт ведущих европейских и российских университетов с целью последующего применения этих инновационных технологий в собственном образовательном процессе. В конечном счете бесценный опыт, приобретаемый в ходе профессионального общения с коллегами, безусловно повлияет на улучшение качества подготовки высококвалифицированных специалистов и повышение конкурентоспособности общего потенциала высшего образования в России.

*Сопредседателем оргкомитета конференции несколько лет является ректор Московской финансово-промышленной академии, член-корреспондент Российской академии образования, доктор экономических наук **Юрий Борисович Рубин**. Возглавляемая им академия добилась весомых результатов, эффективно внедряя в свой образовательный процесс инструменты и технологии e-Learning.*

Мы предлагаем вниманию читателей интервью с Ю.Б. Рубиным по актуальным вопросам развития российского рынка образовательных услуг в контексте внедрения технологий e-Learning в практику работы российских вузов.

– Юрий Борисович! Для начала давайте поговорим о понятиях. Если судить по публикациям в нашем журнале (а рубрика «Education Online» существует уже третий год!), сообщество все еще не определилось с трактовкой ключевых терминов. Сегодня в сфере образования используются такие различные термины, как электронное обучение и дистанционное образование, online-обучение и Интернет-технологии. С чем это, на Ваш взгляд, связано?

– Действительно, чтобы всерьез исследовать те или иные процессы в сфере образования, нужно вначале договориться о понятиях, корректности использования тех или иных определений, многие из которых пришли в русский язык из-за рубежа и связаны с различными обстоятельствами. Сегодня используется много терминов для характеристики одного и того же явления. Попробуем в них разобраться. Основополагающим во всем мире на сегодняшний день является «дистанционное обучение», по-английски Distance learning. Термин этот возник в 1960-е годы, и его смысл заключается в самом содержании понятия «обучение на расстоянии».

Исторически студенты обучались в кампусах, обучались профессорами, которые приходили в аудиторию и проводили с ними очные занятия. И всегда существовала проблема, как общаться с теми, кто не может в силу разных причин приехать в кампус, войти в аудиторию и получить возможность обучаться на лекциях или практических занятиях очно. Отсюда и возник английский термин distance learning. У этого термина есть русский эквивалент – заочное обучение. «Заочное» – слово, образованное от русского «очи», на современный русский язык его можно буквально перевести «я тебя не вижу». Смысл тот же. С одной стороны, студенты находятся в аудитории и видят преподавателя, который их обучает, с другой стороны, они находятся где-то вдалеке от преподавателя, но он тем не менее их обучает. То есть то, что в английском языке трактуется как «расстояние», в русском – как «создание образов и коммуникаций». В принципе, дистанционное обучение и заочное обучение – это одно и то же.

Между тем в системе нормативно-правового регулирования российского образования все, что связано с дистанционным обучением, приобрело характер неких технологических особенностей обучения. В законы «Об образовании» и «О высшем и послевузовском образовании» однажды попал термин «дистанционные образовательные технологии». При этом надо хорошо понимать, что на сегодняшний день законодательство никак не определило, что такое образовательные технологии как таковые, поэтому появление «дистанционных образовательных технологий» в законе без определения «образовательных технологий вообще» было, конечно, неким законодательным нонсенсом. Тем не менее это случилось, и сегодня дистанционное обучение трактуется как некая сумма технологий.

За рубежом дистанционное обучение понимается как заочное обучение, которое может использовать различные методики и технологии, причем под технологиями следует понимать именно методики обучения, а не что-то иное. Здесь дистанционное обучение в своем развитии прошло целый ряд технологически обусловленных этапов.

Скажем, одно время, в 1960-80 гг., превалировало так называемое обучение по переписке. К этому обучению по переписке добавлялось обучение по телефону. А вот когда появился Интернет, возникла глобальная сеть, позволившая в значительной степени сделать проблему расстояний несущественной, появилась необходимость в понятии «электронное обучение».

Итак, «электронное обучение» исторически возникло как некий термин, который был призван характеризовать особенности дистанционного обучения. В электронном обучении есть своя технологическая основа, а именно сетевая телекоммуникационная база, к которой впоследствии добавились возможности мультимедийного исполнения, воспроизведения образовательного контента. То есть электронное обучение следует трактовать как одно из направлений дистанционного обучения, которое базируется на применении информационных и телекоммуникационных технологий.

Разновидностью электронного обучения можно считать online-обучение. Online-обучение – буквально «обучение на линии» – это обучение в режиме реального времени. Есть обучение off-line, когда можно пользоваться компакт-дисками, MP3-дисками или какими-то другими современными ИКТ-возможностями для обучения, но Интернета в данный момент нет. Online-обучение – это то, что связано с Интернетом, а off-line может быть как дистанционным, так и электронным.

Надо подчеркнуть, что толкование понятий очень важно, т.к. на них выстраиваются системы норм, правил, регламентов и стандартов, которые приняты в мире и которые постепенно приходят в Россию.

– E-Learning (электронное обучение) в настоящее время развивается в мире бурными темпами. Как Вы оцениваете состояние нормативно-правовой базы в России в плане создания предпосылок для широкого применения технологий e-Learning?

– Электронное обучение развивается бурными темпами с момента появления Интернета, а основными провайдерами e-Learning стали компании, заинтересованные в реализации своей продукции – того, что называется *hardware* и *software*. Именно они, как субъекты бизнеса, оказались инициаторами активного внедрения ИКТ в образование. При этом надо понимать, что в термине e-Learning тоже очень много разных оттенков, и разные люди трактуют его по-разному. Скажем, есть чисто технологическое толкование: e-Learning – это некий набор сетевых ресурсов, сетевых возможностей, систем трафиков образовательной информации, систем трафиков контента, и не более того. Есть другая трактовка e-Learning, которая мне представляется более реалистичной: это направление дистанционного обучения, которое базируется на ИКТ. Это обучение, в рамках которого применяются методики, характерные именно для данного информационно-телекоммуникационного бэкграунда; при этом мы не рассматриваем электронное обучение в абсолютно всеобъемлющем контексте и считаем, что оно хорошо, что называется к месту и ко времени, в тех объемах и тех форматах, в рамках которых оно может обеспечить качество образования и гарантии качества образования. Однако оно не может заменить талантливого преподавателя, великолепного профессора, который потрясающе читает лекции и собирает массовые аудитории. Оно может выполнять некоторые иные функции, скажем, коммуникационные. Допустим, преподаватель может проводить виртуальные семинары, объединяя студентов, которые находятся в данный момент в разных местах и в разных городах. Можно проводить занятие даже на рабочем месте путем внедрения системы e-Learning непосредственно в обустройство рабочего места на предприятии, превращая тем самым функциональных руководителей в тьюторов, ведь им все равно приходится обучать своих сотрудников. В этом случае e-Learning – замечательная штука, потому что начальник становится тьютором и ему на помощь приходит электронное обучение.

А глобальный сервер, который регламентирует и регулирует все вопросы и содержит образовательный контент, находится в учебном заведении, где работают профессионалы именно по составлению контента и по выработке методик обучения. Вот эта, более реалистичная и более обстоятельная трактовка электронного обучения и отражает, на мой взгляд, прогрессивные тенденции, связанные с информатизацией образования.

В России электронное обучение тоже стремительно развивается. Есть разные точки зрения, которые присутствуют в понимании того, какое место занимает e-Learning на рынке образовательных услуг. Я считаю, что e-Learning сегодня – немаловажное звено в деятельности любого высшего учебного заведения, использующего в учебном процессе Интернет-обучение или иные электронные носители обучающей информации, скажем, компакт-диски или другие возможности, связанные с электронизацией обучения.

Мне представляется, что сегодня все российские вузы так или иначе связаны с e-Learning. Другое дело – что значит «так или иначе» и как именно они связаны. Ведь не секрет, что в некоторых вузах использование e-Learning имеет сугубо формальное значение, и электронное обучение трактуется в значительной степени как жесткая необходимость следования неким установкам, скажем, по государственной аккредитации или по признанию вуза инновационным, или по каким-то иным конъюнктурным моментам. Может засчитываться, например, количество компьютеров, которое они приобрели, а не разнообразие «софтов», которые они, к слову, применяют часто пиратским способом.

Известно, что во всех государственных стандартах 2-го, а теперь уже и 3-го поколения информатика входит в число обязательных дисциплин, а без компьютеров, без современных «софтов» изучать ее невозможно. Интернет – это реалья времени, без него уже нельзя работать, но, повторюсь, есть разные вузы: те, которые это делают формально, и те, которые подходят к этому неформально.

Мне не раз доводилось работать в комиссиях по государственной аккредитации, и я видел в некоторых вузах абсолютно неформальное отношение к использованию ИКТ, когда вузы отчитываются не количеством компьютеров и количеством аудиторий, в которых они установлены, а тем, насколько эффективно они применяют компьютерные коммуникации и Интернет непосредственно в учебном процессе, например, используя системы электронных библиотек, системы распределенных занятий внутри одного кампуса и виртуальные лаборатории, системы самостоятельной работы под руководством преподавателя, в частности работу с удаленными базами данных. Вот в этом случае мы можем говорить о том, что мы видим здесь элементы электронного обучения на деле.

Есть другая группа вузов, развивающая электронное обучение, по сути, как отдельное направление образовательной деятельности. Мне представляется, что эти вузы являются своего рода аналогами учебных заведений, широко распространенных еще в советские времена. Они назывались заочными высшими учебными заведениями. Были вузы очные и были заочные. Заочные вузы, как правило, обучали заочников и небольшое число очников, т.е. специализировались именно на заочном обучении. Поскольку электронное обучение является разновидностью дистанционного обучения, а дистанционное является, в свою очередь, аналогом заочного обучения, можно говорить, что данные вузы развивают заочное обучение, но используя при этом не анахроничные технологии и методики, например, обучение по переписке с помощью почты, а более современные технологии и методики, которые обусловлены внедрением ИКТ в образование. В отличие от методик 1970–80-х годов, сегодня возможности ИКТ таковы, что можно использовать Интернет не только в качестве трафика, рассылая задания и получая ответы, но и в качестве среды обучения. В рамках этой среды можно по-другому работать с контентом, по-другому методически проводить занятия, что сегодня мы и наблюдаем.

Что касается состояния нормативно-правовой базы. Думаю, выражу общее мнение

многих руководителей вузов, которые стремятся использовать e-Learning, что существующая нормативно-правовая база не соответствует современным форматам электронного обучения. Здесь надо обратить внимание на следующее: за рубежом бурное развитие e-Learning во многом обусловлено тем, что большинство процессов, происходящих в сфере образования, не являются объектами законодательного регулирования. Скажем так: образование не зарегулировано за рубежом так, как это произошло в России. Закон «Об образовании» очень жестко определяет формы получения образования – только так и никак иначе. К чему это приводит? Главной парадигмой образования за рубежом является интеграция очного и заочного обучения, а в нашей стране закон содержит очень «скромную» и потому неопределенную фразу: «... допускается сочетание различных форм получения образования». Как оно допускается, *каким образом* оно допускается, каким образом выстроено это *сочетание* – все это совершенно непонятно и ни в одном документе не раскрыто.

Ясно, что электронное обучение, так же как и дистанционное обучение в целом, должно предполагать взаимодействие со студентами, которые находятся на значительном расстоянии от головного кампуса вуза. А для этого должны быть в наличии определенные организационные условия. Скажем, за рубежом никак не регламентирована деятельность филиалов. Вообще понятие «филиал вуза» за рубежом, как правило, отсутствует. В некоторых странах, таких как, например, Израиль, есть понятие «филиал вуза, зарубежного вуза», но в большинстве стран такого понятия нет. Вуз не создает филиалы и потому не лицензирует их отдельно, не представляет их в государственной аккредитации отдельно от своей собственной деятельности; вследствие этого он может легко создавать подвижные организационные инструменты, некие мини-кампусы, в которых может очень эффективно обучать своих студентов.

У нас же, для того чтобы вуз имел легальную возможность этим заниматься, нужно обязательно отлицензировать любое подразделение, находящееся за пределами места юрисдикции головного вуза, именно в качестве филиала, чтобы там можно было как-то осуществлять образовательную деятельность. Странная вещь: студент может учиться через Интернет, находясь дома, в офисе, в Интернет-кафе, где угодно, но он не может сегодня зайти в какое-то место, специально организованное для этих целей, потому что это место обязательно должно быть отлицензировано по тем правилам, которые приняты в нашей стране.

В действующих сегодня правилах лицензирования есть такой пункт – «предельный контингент учащихся». Крупнейшие зарубежные вузы, которые активно работают в сфере e-Learning, обучают одновременно несколько сотен тысяч студентов по всему миру на разных языках. Существуют такие университеты, в которых число студентов превышает миллион человек. Вы можете себе представить, каким «предельным контингентом» надо обладать российскому вузу, чтобы обучать миллион студентов, какую материальную базу надо предоставить (предъявить) для того, чтобы этим заниматься? Вещь совершенно немислимая.

За рубежом нет такого понятия, как «предельный контингент сверху», а есть понятие «предельный контингент снизу», т.е. вуз может быть университетом, если в нем обучается не менее 5–10 тыс. студентов. Мы могли бы отрегулировать наши виды вузов точно так же, заявив, что вуз может считаться университетом, если в нем числится не менее 10 тыс. студентов, академией – не меньше 5 тыс. студентов, и институтом – не менее 1 тыс. студентов, но не ограничивать численность студентов сверху. По существу же, ограничение сверху, которое выражено в конструкции «предельный контингент», соответствует квадратным метрам, имеющимся в вузе на сегодняшний день.

Для того чтобы обучать студентов с использованием e-Learning, никакие квадратные

метры не нужны в принципе, потому что студент может находиться дома и обучаться с помощью домашнего компьютера. Другое дело, что он должен два раза в год являться в какое-то место, в какое-то оборудованное помещение и сдавать там экзамены и зачеты. Но ведь для этого совершенно не нужно превращать это место в «филиал», т.е. создавать кафедры, нанимать преподавателей с учеными степенями и трудовыми книжками, требовать, чтобы эти преподаватели занимались фундаментальными научными исследованиями! В этом нет никакой необходимости, потому что это противоречит принципу заочного обучения, когда всю ответственность берет на себя головной кампус. Он заочно обучает своих студентов, а в регионе существует только некое место, куда студенты приходят сдавать экзамены. Оно должно быть оборудовано таким образом, чтобы можно было сдавать экзамены или проводить консультации. Это место, конечно, можно называть филиалом, но совершенно очевидно, что его нельзя никоим образом трактовать как полноценный, полнообъемный филиал. В моей статье, опубликованной в прошлом году в журнале «Высшее образование в России» (№6), очень подробно анализировалась как раз проблема отсутствия в России так называемых филиалов заочного обучения.

Все это вместе и позволяет говорить о том, что нормативная база сегодня не соответствует потребностям развития электронного обучения, и часть вузов, которые очень активно хотели бы работать на этом сегменте рынка образовательных услуг, по сути, перемещаются в образовательный андеграунд, т.е. выходят за рамки действующего закона практически во всех компонентах своей деятельности. Эти вузы, такие как, например, Современная гуманитарная академия, часто вызывают раздражение у правоохранительных органов именно тем, что их деятельность совершенно не вписывается в рамки, которые сегодня существуют. Между тем очевидно, что проблема лежит не в негативном отношении прокуратуры к деятельности вуза, а в том, что сама нормативная база не позволяет адекватно реагировать на прогрессивные тенденции в сфере электронного обучения.

– В продолжение разговора о нормативной базе. Насколько я понимаю, на уровне федеральных законов ограничений нет; ограничения возникают на уровне контрольных процедур?

– Да, совершенно верно. Я бы добавил: не только контрольных, но и разрешительных. Ведь первое, с чего начинается жизнь вуза, – именно лицензирование. Вуз должен получить лицензию, а для того чтобы получить лицензию, он должен «представить», предъявить материальную базу, преподавателей, сделать заверения относительно того, что там есть гарантии качества в традиционном понимании. А электронное обучение – оно другое и требует преподавателей другого типа, учебно-методических материалов другого типа, организационных структур другого типа и менеджмента другого типа.

Мы знаем, что лицензирование вуз проходит один раз, а уже потом оно, по сути, совмещается с процедурой госаккредитации, т.е., проходя госаккредитацию, вуз вновь должен подтвердить свои лицензионные права и свои амбиции, которые он проявлял на стадии лицензирования.

В законодательстве дистанционное обучение прописано именно как технология; электронное обучение вообще никак не прописано, и это, конечно, тоже неправильно. Тогда непонятно, что такое образовательные технологии в принципе, и тем более непонятно, что такое дистанционные технологии. Скажем, это обучение на каком расстоянии – одного километра, одного метра, тысячи километров? Или речь идет о том, что дистанционное обучение – это обучение за пределами административных единиц Российской Федерации, за пределами субъекта Федерации? Допустим, вуз находится в Москве, а кампус находится через МКАД в Подмосковье, то это уже дистанционное обучение (хотя рас-

стояние может быть менее 1 км)? А если, скажем, кампус находится в Бибирево, а студент проживает где-нибудь в Бутово, т.е. на расстоянии 20 км, то это – не дистанционное обучение? Вот такая ерунда, которая связана с тем, что закон неправильно определил, что такое дистанционное обучение. Если бы закон ввел «дистанционное обучение» как синоним к слову «заочное обучение», то такие вопросы не возникали бы, и вузы не попали бы в такое глупое положение, когда они на каждом шагу вынуждены нарушать какие-то правила и предписания, потому что иначе они не могут развиваться.

– *Юрий Борисович, сегодня много споров о будущем филиалов и представительств учебных заведений. Каковы их перспективы в связи с применением технологий e-Learning?*

– Об этом тоже подробно написано в упомянутой выше статье (Высшее образование в России. 2008, № 6). Представительства сегодня потеряли возможность заниматься учебным процессом. Правильно ли это? С моей точки зрения, неправильно. Но это произошло, несмотря на то, что была борьба, и на то, что Рособрнадзор поддерживал идею наделения представительств полномочиями центра доступа к информационным и образовательным ресурсам учебного заведения. Это произошло, причем поразительно, что для средних специальных учебных заведений Типовое положение предусматривает возможность для представительств обеспечивать доступ к информационно-образовательным ресурсам, а Типовое положение о вузах таковой не содержит. Где логика? Никакой логики нет. В этом смысле на сегодняшний день без изменения правового статуса представительств использовать их для e-Learning невозможно – на каждом шагу будешь нарушать какую-нибудь норму и правило. Филиалы, безусловно, можно использовать для e-Learning, и так должно быть, но при том, что у нас вновь появятся филиалы заочного обучения и УКП (учебно-консультационные пункты), существовавшие когда-то в Советском Союзе и, кстати, позволявшие пользоваться современной терминологией, т.е. обеспечивать «обучение на большом расстоянии» в рамках законодательства, которое тогда применялось. Сегодня, похоронив филиалы заочного обучения, заочные вузы и УКП, мы поставили вузы перед неразрешимой проблемой: для того чтобы обучать студентов через филиалы, надо оснастить их, по сути, так же, как головной вуз, т.е. «профессорами», «квадратными метрами», «научными исследованиями», «разработками» и т.д.

– *Технологии e-Learning могут использовать любые образовательные учреждения или будут появляться новые типы учебных заведений, которые уже сейчас называются электронными университетами? Насколько целесообразны в России такого рода эксперименты в сфере e-Learning?*

– За рубежом технологии e-Learning используют любые образовательные учреждения, традиционные и нетрадиционные. Последние называются открытыми университетами. За рубежом нет классификации вузов, нет деления вузов по видам, по типам. Есть университеты классического типа, есть университеты «колхозного» типа, есть образовательные альянсы, есть много всего такого, что сегодня в России невозможно. Я думаю, что у нас все это должно появиться. Для этого необходимо внести очень существенные изменения в действующее законодательство об образовании, а в органах государственной власти должны быть лица, заинтересованные в этом.

Я думаю, параллельно могут развиваться и подходы к использованию e-Learning в рамках традиционных вузов очного типа. Также нужно возродить систему заочного обучения, чтобы в рамках этой системы могли развиваться вузы, которые по характеру деятельности похожи на зарубежные открытые университеты. При этом, на мой взгляд,

возможны любые комбинации организационно-правовых форм и организационных решений, которые позволят обеспечить академическую мобильность и высокое качество образования – мобильность контентов, студентов, преподавателей. Я считаю также, что должны быть образовательные альянсы. Полагаю, что и отношения холдингового типа могли бы быть представлены на рынке образовательных услуг, тогда бы появлялись материнские и дочерние учебные заведения. Это было бы правильно. Альянсы могли бы выходить за рамки национальной образовательной системы, формироваться на базе трансграничного образования, что очень важно. Это значимо в контексте экспорта образовательных услуг, например, работы с русскоязычным населением за рубежом, а также с точки зрения объективно существующего интереса многих российских граждан к получению параллельного образования в зарубежных вузах на английском языке, к улучшению своего знания иностранного языка, получению специальных знаний в области профессионального иностранного языка.

В этом смысле в сфере электронного обучения целесообразны любые эксперименты, нацеленные, с одной стороны, на становление новых подходов в области контента, методик обучения, к организации и управлению в вузах, использующих e-Learning, на повышение качества и обеспечение гарантий качества. С другой стороны, они бы работали на улучшение и совершенствование весьма анахроничного российского законодательства в области образования.

– В связи с этим возникает следующий вопрос. В последнее время образование стало объектом стандартизации. Что подлежит стандартизации в e-Learning и как обстоят дела с разработкой единых стандартов в сфере развития e-Learning в России и за рубежом?

– Стандартизация – одно из направлений нормативно-правового регулирования и регламентирования в сфере образования, причем у нас стандартизация приобрела исключительно государственный характер, что относится и к сфере содержания образования. За рубежом же подход более рациональный, более рыночно-ориентированный: стандартизации подлежит то, что может стать объектом стандартизации.

В сфере образования объектом стандартизации являются прежде всего организационно-управленческие отношения, которые имеют место в вузах, как и в любых других субъектах рыночной деятельности. В значительной мере стандартизация сегодня – это стандартизация в сфере ИКТ, которая берет свое начало в известных стандартах IMS, IEEE, SCORM и других, вошедших сегодня в сферу образования вместе с электронными технологиями. В этом смысле мне представляется, что стандартизация – вещь очень полезная, ибо стандарты лежат в основе определения качества, а качество – это всегда признак того, что оцениваемый объект соответствует стандарту. Есть много разных подходов к определению качества, но мне представляется, что приведенное определение – самое разумное из всех существующих: мы определяем качество объекта на основании степени его соответствия стандартному представлению об этом объекте. Так же и в обучении: раз мы говорим о качестве образования, то мы должны элементы образования сопоставлять со стандартами, которые мы сами установили.

В этом смысле подходы в сфере стандартизации e-Learning, которые активно развиваются за рубежом, весьма любопытны. Сегодня существует два подхода в этой сфере. Первый связан с деятельностью ISO – Международной организации по стандартизации, т.е. с деятельностью в рамках принятого стандарта 19796. Эта работа ведется 36-м комитетом ISO примерно с 2003 г. Я являюсь членом этого комитета, точнее, 5-й рабочей группы по качеству электронного обучения. В России эта деятельность осуществляется российским национальным комитетом по стандартизации в сфере ИКТ № 461, в рамках

которого тоже создана рабочая группа и подкомитет по качеству электронного обучения. Представляется, что это направление очень перспективно.

Второе направление связано не с деятельностью ISO, а с деятельностью других инициаторов стандартизации. В частности, обращаю внимание на работу Европейского фонда гарантии качества электронного обучения (EFQUEL), который с 2005 г. проводит оценку качества образования вузами и, как правило, традиционными университетами, использующими e-Learning. Для этого он разработал свою систему стандартов, которая называется «Стандарты знака качества» – Quality mark (знак качества EFQUEL). За рубежом эта деятельность постепенно приобретает широкое распространение, и целый ряд университетов – английских, испанских, французских, итальянских – получили знак качества; всего их 15. Фонд EFQUEL только начинает работу на территории Российской Федерации, и его представители, как и представители ISO, будут выступать на конференции «MOSCOW Education Online». Мне представляется очень важным понять, каким образом работает этот механизм, для того чтобы его можно было использовать в России, в частности, в процессе аккредитации образовательных программ и вузов РФ, и даже рассматривать это в контексте государственной аккредитации.

– *Юрий Борисович! Осенью в Москве состоится традиционная международная конференция «MOSCOW Education Online». Какое влияние она оказывает на развитие электронного образования в России и чем она будет интересна российским вузам в этом году?*

– Эта конференция проводится уже в третий раз и, как всегда, поддерживается федеральными органами по управлению образованием, Минобрнауки, Федеральным агентством по образованию, Рособрнадзором и Комитетом по образованию Государственной Думы РФ. Кстати говоря, Комитет обычно проводит в рамках этой конференции заседание Экспертного совета по качеству образования, и в этом году тоже запланировано такое заседание.

В нынешнем году мы получили поддержку еще от ряда государственных органов власти, а именно – от Министерства спорта, туризма и молодежной политики, Федерального агентства по связям с соотечественниками в странах СНГ. Очень важно, что в рамках международной конференции мы проводим целый ряд отраслевых секций: секцию по инженерному образованию, секцию по транспортному образованию, секцию по сельскохозяйственному образованию и секцию по медицинскому образованию. Это важно, ибо «MOSCOW Education Online» становится реальной площадкой, на которой представители разных сегментов образовательного сообщества имеют возможность обсудить общие и особенные тенденции применения инструментов e-Learning в различных образовательных областях.

Именно поэтому конференция, в центре внимания которой стоят вопросы стандартов и качества образования с использованием e-Learning, несомненно, окажет влияние на развитие электронного обучения в России. Разнообразный формат конференции позволяет обсудить и общие, и особенные вопросы, «показать себя», изучить опыт коллег, «обкатать» свои технологические и содержательные новинки, установить контакты с производителями программных продуктов. Наконец, в этом году будет возможность ознакомиться с международными стандартами в области электронного обучения, что позволит вузам начать их применение. В этом смысле конференция исключительная – она полезна и важна, а те, кто в ней участвует, по-моему, счастливые люди.

